

Покровский Б. А.

4/11/89

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

4 МАР 1989

Эта разлука длилась шесть лет. В 1982 году народный артист СССР, режиссер Борис Александрович ПОКРОВСКИЙ оставил Большой театр. Оставил не по своей воле. Время доказало, какую непростительную ошибку совершили те, с чьего молчаливого согласия было разрешено отпустить Покровского. Борис Александрович ушел, а вместе с ним постепенно уходили из репертуара лучшие его спектакли, которые составляли гордость не только Большого, но всего советского оперного театра. Редко эти зияющие репертуарные пустоты заполнялись новыми названиями, и уж совсем редко премьеры становились событиями, о которых говорила Москва. Столица теперь говорила о другом — о Камерном театре, или, как его называют, театре Покровского. Теперь средоточие оперной жизни было там. Теперь спектаклям этого театра рукоплескал мир. А художник, пережив обиду, выстоял и победил. И когда, спустя шесть лет, Большой театр обратился к нему с просьбой поставить спектакль, Борис Александрович, не помня старого, согласился. И засияла в потускневшем репертуарном венце театра жемчужина оперы-балета Н. Римского-Корсакова «Млада».

— Борис Александрович, премьера «Млады» — настоящий праздник, которого давно не знал Большой театр, но как вы рискнули взяться за постановку оперы с такой несчастливой сценической судьбой?

— Это правда, «Млада» не везло. Она провалилась сначала в Мариинском театре, потом в Москве в театре Зимина и в третий раз — уже в Петроградском театре оперы и балета. Но должен признаться, что меня всегда привлекали произведения, овеянные подобной славой. Кроме того, было заманчиво поставить оперу, которая никогда не шла в Большом. И хотя на этот раз выбирал не я, а дирижер Александр Лазарев, его выбор полностью совпал с моим желанием.

— «Млада» — произведение, как сейчас принято говорить, синтетического жанра: опера-балет, причем балет здесь не дивертисмент, а органическая составная часть спектакля...

— У нас, я считаю, сложилось счастливое творческое взаимопонимание с балетмейстером Андреем Петровым. Он человек с самостоятельным художественным мышлением, умеет находить оригинальные решения, так что он полноправный сотворец этого спектакля. Ну а что касается моего возвращения, я не мог отказать Большому театру, это было бы бесчестно с моей стороны.

Театр — это не просто и не только люди, которые в нем работают. Это высокая идея, история, традиции, школа. И в этом смысле Большой театр есть Большой театр. Это явление русской и советской культуры. И я своими резкими словами защищаю именно театр, а не кого-то в театре. Передо мной великий храм искусства, и он сейчас нуждается в помощи. Сколько в последнее время появилось о нем публикаций, и каких! Раньше никогда так пренебрежительно о Большом не писали. И хотя основания для того есть, я все-таки считаю, что Большой театр нельзя ругать, его надо только жалеть, потому что он творчески, организационно и административно связан по рукам и ногам.

В Большом театре всегда была и сейчас есть группа честных, трудолюбивых, талантливых людей. Только нужно дать этим людям возможность проявить себя. Актер должен всегда делать то, что ему трудно, работать на преодоление. Если же с актера этого не требуешь, он умирает. Беда в том, что многие актеры слишком долго были словно письма, не востребованные адресатом. Это с одной стороны.

С другой — вокруг Большого театра всегда существовал и сейчас есть разгул дилетантства, безвкусицы и невежества. Есть руководители, которые должны отвечать за третесортный, непозволительный для Большого репертуар и за приглашения людей, у которых нет творческого права на постановку, и за неприличествующую Большому театру атмосферу морального и художественного развала. Руководители-то есть, а вот есть ли у них право решать судьбу Большого, если они в искусстве ничего не понимают? И некомпетентность никого нисколько не смущает. Каждый считает необходимым высказать свое мнение об опере — хотя представление у него дилетантское — с полным убеждением, что он прав. Им

полнить этот приказ. Ну, скажите, это пустяк?! Это же колоссальный моральный ущерб. Я пошел в дирекцию, и выход из сложившейся ситуации был найден совершенно неожиданный, я бы сказал, комический. Один из спектаклей был целевой — то есть когда билеты закупает какое-то учреждение. Знаете, какое учреждение закупило билеты? Большой театр! Смешно? Конечно, когда бы не было так горько...

А почти всегда пустующие четыре так называемые правительственные ложи? Это чье распоряжение? При желании тысяч людей попасть в Большой театр. Неужели этот вопрос

чего бы вы хотели? Это развращает артиста и, естественно, отражается на художественном результате. А ему, этому артисту, все равно, он в любой момент может пойти пожаловаться человеку, имеющему право цыкать по телефону на директора, дирижера или режиссера.

Сейчас в театре новый директор. Год назад пришел новый художественный руководитель дирижер Лазарев, очень энергичный, но его уже обвиняют в том, что он недостаточно мягок, недостаточно ублажает артистов. Если он говорит: «Я не разрешаю», то он плохой. И вот группа избранных диктует свои условия. А ответственный

вся наша горькая история не научила нас, что поспешность стоит слишком дорого, слишком долго потом приходится расплачиваться за сиюминутные победы?

Знаменитый английский газон взращивают триста лет. Триста! А мы хотим за три года изменить человека, его сознание, мировоззрение. Причем каждый как-то больше озабочен усовершенствованием не собственной личности, а своего коллеги или соседа. А начинать-то надо с себя. Банально, конечно, но потому и банально, что повторяется из столетия в столетие. Мы сейчас многое пытаемся изменить в разных сферах с помощью пересмотра устаревших положений, принятия новых законов. А в области духовной жизни никакого закона принять нельзя. Представьте закон: с первого марта все должны возлюбить ближнего своего и стать культурными!

— Но ведь нравственные законы существуют уже не одно тысячелетие...

— Конечно, и не нам их отменять. Но надо о них напомнить людям. Заповеди-то это не божественные, а сугубо человеческие: не убий, не согреши. Жизнь есть вечная борьба добра и зла. Давайте же разбираться снова, что добро, а что зло. Нас много лет сбивали с этого пути, давайте вернемся к истокам, которые позволяют человеку называться человеком. Вспомним, что такое стыд, совесть. И будем проводить не делю совести, а поймем наконец, что совесть наш поводырь в этом мире.

— Но напоминать надо не призывами, а пробуждая душу — тут уж бесспорный приоритет искусства, хотя очень часто приходится слышать: кому оно нужно, это ваше искусство...

— Без искусства, конечно, можно прожить, но это прямой путь к потере самого ценного, что есть в человеке, — одухотворенности его жизни. Но искусство — это океан, в нем не только вода, дарующая жизнь, в нем и много разной дряни. Помните, как говорил Достоевский: мое направление то, за которое не дают чинов. У нас слишком много появилось в литературе, и на театре произведений, за которые чины давали. И, может быть, это в какой-то степени и породило то пренебрежительное отношение к искусству, с которым мы сталкиваемся. А что направляет творца на тернистый путь истины? Совесть. Совесть художника — это манометр, который определяет кровяное давление общества. Ведь посмотрите, нашу общественную мысль, активность гражданскую даже, если хотите, во многом пробудило к жизни то, что было написано даже не для получения чинов, а просто с риском для собственной жизни. Что толкало людей в те страшные времена говорить правду? Совесть.

Если художник живет для себя, пытается своим «творчеством» угодить власти имущим, он неизбежно потерпит крах. Настоящий художник всегда делает не то, что бы хотелось, а то, что нужно. Он должен обладать чутким слухом и великодушным сердцем, чтобы помочь разобраться в бесконечных вопросах, которые ставят перед нами жизнь. Мы не можем ставить спектакль с расчетом, что пройдет сто лет и его оценят историки искусства. Нет, мы должны работать для тех, кто сегодня идет в наш театр, кто сегодня будет мыслить и чувствовать. Сила театра в его сегодняшнем воздействии на эмоции, в том, что человек, пережив чужие страдания и сомнения, потом самостоятельно рождает из них поток мыслей и ощущений, задумывается о нравственности своего существования.

Мы должны быть честными и помнить: мы на службе у души человеческой. Сейчас мы лишь в самом начале очень трудного и долгого пути, хорошо бы, чтобы не оставили нас на этом пути ни силы, ни надежда.

Ресетв вела
М. НЕВЗОРОВА.

Точка зрения

Борис ПОКРОВСКИЙ:

НА СЛУЖБЕ У ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

даже не стыдно заявить: я не понимаю этого спектакля. Так и подмывает ответить: помолчи, что не понял, постесняйся прилюдно признаваться в своей безграмотности. Нет, не стесняйся: властью обленен.

И сколько таких властью облеченных сидят в Министерстве культуры и в разных отделах культуры разных учреждений! А ведь это они во многом определяют жизнь Большого. Это они считают, что молодых певцов в театр должна отбирать комиссия, состоящая из певцов. Кому же, как не им, солистам Большого, решать эти вопросы? А я вам скажу, да и любой профессионал подтвердит, что это полный нонсенс! Как бы ни старались певцы быть объективными, они всегда будут субъективны, да еще надо учитывать, что многие из них сами готовят будущих вокалистов. Вот почему раньше в Большой театр артистов набирали дирижер, режиссер, директор. Они знали, для чего нужен артист, что будет делать в репертуаре текущего сезона, кого может заменить. Вы со мной согласны? А если я это скажу министру, он будет несогласен. Значит, опять судьбу Большого решает чиновник, а не художник, не профессионал.

Еще пример командно-административного гнета. В любом театре на генеральную репетицию может прийти любой актер и пригласить своих близких. Рождение нового спектакля — это же событие. А артист Большого театра не может прийти на генеральную репетицию. Можете себе представить: артист хора, который отдал этой работе тридцать месяцев жизни, не может позвать даже жену? Для артистов нет места. Все места на генеральную репетицию распределяются по учреждениям и ведомствам. Это в Большом театре с горькой иронией называют «филе». «Вырезаются» лучшие места в партере, в ложах и отдаются ведомствам, которые никакого отношения к искусству не имеют! Это приказ министра. И никакой директор не посмеет не вы-

нельзя как-то разумно решить? Из всего этого и складывается та сеть нелепых распоряжений, которые опутали Большой театр и не дают живому театральному организму развиваться естественно и свободно. Прибавьте к этому еще пути многочисленных телефонных проводов, по которым бесконечно идут указания директору. От его умения подчиняться зависит его карьера. Предыдущий директор С. Лушин был большим мастером подчинения, поэтому очень долго просидел в своем кресле и поэтому довел до полного морального и художественного развала театр. А где же он сейчас? В новом кресле — начальника управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР.

Коллектив Большого бурлит. От взаимного непонимания и взаимной неприязни. Вопрос мира в коллективе, примирения — вопрос организационный. Где общественные организации, в первую очередь партийная? Это же их прямое дело. Но, как видно, оно им не под силу, куда уж дальше, если дело дошло до забастовки. И возмущение было вызвано как раз неумелым руководством секретаря партийной организации Григорьева. Так что же, вмешался райком, переизбрали секретаря? Да ничего подобного. И получается, что лиц ответственных много, а в результате никто ни за что не отвечает, и все позволено, можно и дальше действовать в том же духе.

Поэтому я считаю себя вправе защищать Большой театр. Повторяю: ему надо помогать. Избавить от многочисленных пут указаний и пожеланий, очистить Большой театр, отбросить всех, кто там оказался случайно. Может, даже процентов пятьдесят. Чем меньше людей работает в театре, тем лучше. Каждый должен дорожить честью работать в Большом. А я встретил там людей, которые этим не дорожат. Они знают, что они защищены оттуда, сверху, поэтому могут петь, могут не петь, могут уехать когда угодно, поставив спектакль под угрозу срыва. И самое сложное, что это не только их вина, просто давно и всю работу баццлла вседозволенности. Я со многими встречался за время работы над «Младой», и очень показательно, что не успевал произнести: «Вот вы...», как человек отвечал: «Извините, да... Я даже не произнес, в чем он не прав, он сам знает, какой правду про себя знает, но ему-то никто этой правды не говорит. Никто не скажет певцу, что он плохо поет, фальшиво поет, что он просто не может петь. Напротив, у него спрашивают: когда вы можете? А вот у нас такой репертуар,

где она? Любовь к театру — где? Я считаю, для того, чтобы Большой театр спасти, надо изменить отношения производства и личности.

— На ваших глазах не менялось течение нашей общественной жизни, вы, наверное, раньше многих как-то определяли для себя эти перемены. Как бы вы сформулировали наше время? Какие вам видятся в нем тревожные приметы, какие обнадеживающие?

— Больше всего меня тревожит запущенное состояние культуры нашего общества. Культура — это не только грамотность, не только образование, это умение слушать и понимать друг друга.

Доброжелательность, удовольствие от того, что ты кому-то можешь быть полезен. Всего этого катастрофически нам не хватает. Мы лишены терпимости к позиции, не сходной с нашей собственной. При этом всем хочется выглядеть большими прогрессистами, вот уж чем мы владеем идеально — так это социальной мимикрией. С готовностью подхватываем новые формулировки и, размахивая ими, словно знаменами... защищаем старое. Возьмем хотя бы плюрализм мнений. Плюрализм полезен лишь тогда, когда из множества мнений в конце концов выкристаллизуется одно, приближающееся к истине. А наши споры и дискуссии происходят не потому, что мы хотим обогатить друг друга, проверить справедливость своих понятий, а потому, что мы хотим во что бы то ни стало победить. Мы стали очень агрессивны.

Недавно со мной произошел случай, который для меня символизирует такой плюрализм. Я ехал в троллейбусе, народу было мало, все было спокойно и пристойно. Вошли какие-то люди, видимо, приехавшие из провинции, и спросили, где можно хорошо пообедать. Одна женщина им посоветовала проехать восемь остановок, мужчина порекомендовал пельменную, старушка объяснила, что через две остановки замечательное кафе. Еще один пассажир подключился: зачем им пельменная, у них компания, они хотят хорошо посидеть, и не успел я оглянуться, как разгорелся скандал. Хотя началось все с желания сделать людям добро, но как оно быстро утонуло при защите собственных амбиций. Все пытались доказать, что его совет — самый лучший, а про пассажиров-провинциалов и забыли. Вот так и наши споры уходят в сферу выяснения отношений, а про дело под шумок и забывают. Мы все хотим побыстрее ощутить результаты начавшихся преобразований. Я понимаю, люди устали жить в вечном ожидании светлого будущего, но неужели